

Wiech, Stanisław

Raport naczelnika Warszawskiego Okręgu Żandarmerii o sytuacji politycznej Królestwa Polskiego w 1868 r.

Przegląd Historyczny 89/1, 87-107

1998

Artykuł umieszczony jest w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych, tworzonej przez Muzeum Historii Polski w Warszawie w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego.

Artykuł został opracowany do udostępnienia w Internecie dzięki wsparciu Ministerstwa Nauki i Szkolnictwa Wyższego w ramach dofinansowania działalności upowszechniającej naukę.

STANISŁAW WIECH

Raport naczelnika Warszawskiego Okręgu Żandarmerii o sytuacji politycznej Królestwa Polskiego w 1868 r.

Prezentowany materiał źródłowy, dotyczący stanu politycznego Królestwa Polskiego w 1868 r., jest drugim z kolei raportem, jaki dla potrzeb władz zwierzchnika, tj. szefa żandarmerii, będącego równocześnie naczelnikiem III Oddziału Własnej Jego Cesarskiej Mości Kancelarii, sporządził gen. baron Płaton Fredericks, będący w latach 1866-1873 naczelnikiem Warszawskiego Okręgu Żandarmerii. Obowiązek sporządzania rocznych „przeглядów” politycznych Królestwa Polskiego przez urzędy żandarmerii, oraz przekazywania ich naczelnikowi III Oddziału, wynikał z reorganizacji Korpusu Żandarmerii, jaką przeprowadzono w Rosji 21 grudnia/2 stycznia 1866/1867¹. Od tej pory ciesząca się wcześniej dużą autonomią żandarmeria Królestwa Polskiego podlegała bezpośrednio pod względem wojskowym Sztabowi Korpusu Żandarmerii, zaś pod względem politycznym III Oddziałowi. Reorganizacja żandarmerii, pełniącej od tej pory głównie funkcje policji politycznej, zbiegła się w czasie z ważnymi zmianami organizacji administracyjnej w Królestwie Polskim — zniesieniem Zarządu General-Policmajstra Królestwa Polskiego, a wraz z nim urzędów naczelników wojennych, oraz wprowadzeniem „cywilnych” naczelników guberni, którzy pojawili się po reformie administracyjnej

¹ Szerzej na temat żandarmerii w Królestwie Polskim i Rosji zob. A.W. Engler, *Geneza i zarys dziejów wojskowej służby bezpieczeństwa w Polsce*, „Rocznik Pamiątkowy Centrum Wyszkozenia Żandarmerii”, Grudziądz 1931, s. 34-47; A. Próchnik, *Żandarmeria na ziemiach Królestwa Polskiego. Szkic historyczno-organizacyjny (1812-1915)*, [w:] tenże, *Studia i szkice (1864-1918)*, Warszawa 1962, s. 47-104; J. Kozłowski, *Reorganizacja żandarmerii w Królestwie Polskim (1861-1864)*, PH t. LXXXVII, 1996, z. 3, s. 579-589; *Sistematiczeskij swod diejstwu-juszczich zakonopotożenij i cirkularnych raspotiaženij odnoszajuszczisja do służebnoj diejatielnosti czynow Otdielnogo Korpusa Żandarmow*, St. Peterburg 1895; M. Lemke, *Nikołajewskie żandarmy i literatura 1826-1855 g.g. po podlinnym diełam trietiego Otdielenija S. je. i. w. Kancelarii*, [St. Peterburg] 1908; A. Spiridowicz, *Zapiski żandarma*, Charkow 1928; W.D. Nowickij, *Iz wospominanii żandarma*, Leningrad 1929; R.S. Mułukajew, *Policija i tiuremnye ucziędienija doriewolucjonnoj Rossii*, Moskwa 1964; P.A. Zajonczkowski, *Krizis samodierżawija na rubieżu 1870-1880-ch godow*, Moskwa 1964; N.P. Jeroszkin, *Istorija gosudarstwiennych ucziędienij doriewolucjonnoj Rossii*, Moskwa 1983; I.W. Orzechowski, *Samodierżawije protiv riewolucjonnoj Rossii (1826-1880)*, Moskwa 1982; tenże, *Wnutriennaja politika rossijskogo samodierżawija w 1866-1878 g.g. Usilenije riekacjonno-ochranitielnych naczał*, Leningrad 1974; F. Lurie, *Policejskije i prowokatory. Politiczeskij sysk w Rossii 1649-1917*, St. Peterburg 1992.

Królestwa z 31 grudnia 1866. Tworzona na nowych, rosyjskich wzorach żandarmeria Królestwa Polskiego, zachowała jednak wiele cech autonomicznych. Dotyczyły one głównie spraw organizacyjnych. Jako jedyna na obszarze Rosji, żandarmeria Królestwa posiadała powiatowy szczebel organizacyjny, co zwiększało sieć posterunków żandarmskich i liczbę funkcjonariuszy². Poza obszarem Kaukazu i Syberii³ tylko Królestwo posiadało oddzielny Zarząd Okręgu, który podkreślał odrębność organizacyjną żandarmerii. Odmiennie także określano niektóre obowiązki i prawa naczelników zarządu Okręgu Warszawskiego i naczelników powiatowych i gubernialnych zarządów żandarmerii Królestwa Polskiego. Odrębność organizacyjną żandarmerii Królestwa podkreślała wreszcie niezależność jej struktur od cywilnych i policyjnych władz miejscowych. Funkcjonariusze żandarmerii, których etatowo w Królestwie w 1867 r. było 1238⁴, obok kontroli powierzonych im rejonów, systematycznych (minimum trzy razy w roku) objazdów powiatów i guberni, śledzenia i kontrolowania społeczeństwa polskiego, inwigilowali także działalność urzędów administracji państwowej, szczebla gminnego, powiatowego i gubernialnego. Byli też nieskrępowani wobec urzędu namiestnika Królestwa, a po 1874 r. generała gubernatora warszawskiego. Stan niezależności żandarmerii od miejscowych władz cywilnych i policyjnych, dający dużą swobodę działalności, widocznej także przy sporządzaniu rocznych „przeглядów”, trwał do roku 1896, kiedy to zlikwidowano Warszawski Okręg Żandarmerii⁵, zaś kontrolę nad żandarmerią powierzono nowo utworzonemu urzędowi Pomocnika Generała Gubernatora Warszawskiego, noszącego tytuł „do spraw policyjnych”⁶.

Jednym z przejawów działalności żandarmerii w Królestwie Polskim były sporządzane przez naczelników żandarmskich zarządów powiatowych i gubernialnych coroczne „przeгляды” polityczne⁷, charakteryzujące zgodnie z zaleceniami okólników poszczególne grupy społeczne oraz rejestrujące wydarzenia i zjawiska, które zdaniem funkcjonariuszy żandarmerii były godne uwagi. „Przeгляды” polityczne były tworem specyficznej instytucji i grupy osób, skądinąd w dużym stopniu charakterystycznej dla rosyjskiego aparatu władzy tamtej epoki. Sporządzali je oficerowie żandarmerii, którzy zgodnie z wymogami musieli legitymować się dziedzicznym szlachectwem, mieć ukończoną szkołę wojskową lub junkierską, odpowiedni staż służby wojskowej, znajomość miejscowego języka. Oficerem żandarmerii nie mogła być osoba o wątpliwej reputacji politycznej, posiadająca zobowią-

² Zob. Gosudarstwiennyj Archiw Rossijskoj Fiedieracii (dalej: GARF), f. 110, op. 24, jed. chr. 24, 28; *Sistematiczeskij swod diejstwujuszczich...*, s. 1, 7; *Swod Wojsnych Postanowlenij. Izdanie 1869 goda*. St. Peterburg 1869, s. 195.

³ Zarząd Okręgu Kaukaskiego zniesiony został w 1870 r., zaś likwidacja Okręgu Syberyjskiego nastąpiła w 1902 r. Por. *Sistematiczeskij sbornik cirkularow Departamenta Policii i Sztaba Otdielnogo Korpusa Żandarmow odnoszaszczichsja k objazannostiam czynow Korpusa po proizwodstwu doznanii*, St. Peterburg 1908, s. 7.

⁴ A. Próchnik, op. cit., s. 85.

⁵ Zob. GARF, f. 110, op. 24, jed. chr. 158, k. 1-209.

⁶ A. Próchnik, op. cit., s. 95-99; E. Kaczyńska, D. Drewniak, *Ochrana. Carska policja polityczna*, Warszawa 1993, s. 38.

⁷ Większość tych przeглядów przechowywana jest w GARF w zespołach: *Sztab Oddzielnego Korpusu Żandarmów Okręgu Warszawskiego*, f. 110, op. 24 oraz *Tajne Archiwum III Oddziału Własnej Jego Cesarskiej Mości Kancelarii*, f. 109, op. 2 oraz w kilkudziesięciu zespołach powiatowych i gubernialnych zarządów żandarmerii.

zania płatnicze wobec dłużników, poszlakowaną moralnie przeszłość. Dostęp do Korpusu Żandarmów wzbroniony był dla Polaków, katolików, oficerów ożenionych z katoliczkami oraz dla Żydów, choćby ci przeszli na prawosławie⁸. Na podstawie przesłanych do Zarządu Okręgu powiatowych i gubernialnych „przeглядów” politycznych, naczelnik Warszawskiego Okręgu sporządzał całościowy raport z Królestwa Polskiego, który następnie wędrował do naczelnika III Oddziału. „Przeгляды” wolne od nacisku i presji miejscowych władz cywilnych i policyjnych, przedstawiały stan nastrojów politycznych społeczeństwa polskiego, jego stosunek do rządu i administracji rosyjskiej, zagrożenia, jakie mogły się pojawić itp. Oceniano w nich zmiany polityczne i następstwa realizowanych reform i zarządzeń państwowych, stan funkcjonowania państwowej administracji, zróżnicowanie aktywności politycznej różnych grup i warstw społecznych, a nawet sytuację gospodarczą kraju, stan oświaty ludowej i szkolnictwa, czytelnictwo i kolportaż prasy, morale rosyjskich wojsk stacjonujących w Królestwie. W raportach zamieszczano także ukryte między wierszami intencje samych autorów, starających się od czasu do czasu potwierdzać u władz zwierzchnich potrzebę i konieczność prowadzenia stałego nadzoru i kontroli politycznej społeczeństwa, a tym samym ukazać przydatność żandarmerii, będącej obok policji, wojska, rosyjskich władz powiatowych i gubernialnych gwarantem „wykorzenienia” panujących w społeczeństwie polskim „występnych” idei i spacyfikowania postaw wrogich wobec rządu i systemu władzy.

„Przeгляды” polityczne, zarówno te powiatowe, gubernialne, jak i centralne, sporządzane w dwóch egzemplarzach i opatrzone tą samą adnotacją — „tajne”, posiadały w miarę jednolity układ rzeczowy i problemowy. Otwierał je rys najważniejszych wydarzeń, jakie w minionym roku zaszły na podległym funkcjonariuszowi obszarze lub tych, które miały istotne znaczenie dla postaw i aktywności politycznej miejscowej ludności. Po części wstępnej przystępowano do charakterystyki poszczególnych grup i klas społecznych, rozpoczynając od szczytu drabiny społecznej, tj. polskiej arystokracji. W dalszej kolejności charakteryzowano aktywność polityczną i społeczną szlachty-ziemian (*pomieszczyki-dworianie*) i duchowieństwa, zarówno prawosławnego, jak i katolickiego. W niektórych raportach rozszerzano zakres tej grupy o pastorów i rabinów. Oddzielnie wyodrębnioną grupą byli urzędnicy posad państwowych różnych szczebli i resortów, z podziałem na Rosjan i Polaków. W dalszej kolejności omawiano sztucznie stworzoną grupę obejmującą szlachtę (tę uboższą), oficjalistów, rzemieślników i „raznoczyńców” (wyształceni przedstawiciele niższych warstw). Charakterystykę społeczeństwa polskiego kończono na przedstawicielach bogatego mieszczaństwa — kupcach, bankierach, Żydach, uczącej się młodzieży. Przekrój społeczny zamykała klasa chłopska, której przypisywano największe poparcie dla rządu rosyjskiego i kursu politycznego panującego w Królestwie. Jak można się zorientować, klasyfikacja społeczeństwa polskiego przyjęta w raportach pomijała klasę robotniczą, choć w niektórych „przeглядach” z obszaru guberni piotrkowskiej, zwłaszcza tych z lat osiemdziesiątych i dziewięćdziesiątych XIX wieku, poświęca się tej grupie sporo miejsca⁹.

⁸ *Sistematiczeskij swod diejstwujuszczich*, s. 16-17; *Swod Wojennyh Postanowlenij*, art. 229; *Cirkular dla Otdielnogo Korpusa Żandarmow*, [St. Peterburg] 1903, cyrkularz nr 21, art. 4.

⁹ Zob.: GARF, f. 110, op. 24, jed. chr. 2053, k. 4, 12; 2187, k. 3-4; f. 109, op. 2, jed. chr. 679, k. 12-13.

Roczne raporty żandarmerii, których w latach 1867-1896 powstało ponad 1300, zawierają niezwykle bogaty materiał faktograficzny, w dużym stopniu poszerzający nasz stan wiedzy o sytuacji społeczno-politycznej Królestwa Polskiego doby powstaniowej. Poza nielicznymi wyjątkami materiał ten z przyczyn obiektywnych jest słabo rozpoznany i wykorzystany w badaniach historycznych¹⁰. Wartość poznawcza raportów żandarmerii wynika głównie z tego, że jest to materiał masowy, wytworzony przez instytucje różnych szczebli organizacyjnych, w miarę kompletny i wolny od presji i nacisków, jakie mogła wywrzeć na nim miejscowa rosyjska administracja. Obraz społeczeństwa polskiego przedstawiony w tym materiale, w przeciwieństwie do obrazu rysowanego w innych tego typu raportach, jest wobec tego bardziej różnorodny, złożony, wnikliwy, widziany z pozycji stojącego na uboczu obserwatora, choć zapewne wykrzywiony, stosownie do osoby i miejsca, z którego był postrzegany. Jakkolwiek „przeglądy” polityczne nie są pozbawione wielu uproszczeń i stereotypów, a sam materiał ze względu na swoją proveniencję wymaga dodatkowej krytyki wewnętrznej i ostrożności przy wysuwaniu ogólnych wniosków, to jednak stanowi on ciekawy i mało znany w literaturze przedmiotu wgląd w postawy, oceny i zachowania tego pokolenia Polaków, któremu przyszło żyć w dobie goryczy klęski powstania styczniowego, wzmożonych represji i ucisku narodowego, przeobrażeń społeczeństwa oraz nowych programów politycznych i społecznych. Materiał ten odsłania także postawy, zachowania, poglądy i reakcje drugiej strony, tj. samych Rosjan, których obecność w życiu mieszkańców Królestwa Polskiego jest tak słabo rozpoznana.

Prezentowany poniżej „przegląd” polityczny Królestwa Polskiego za 1868 r., jako tekst obustronnie drukowany, umieszczony jest w zespole: Siedlecki Gubernialny Zarząd Żandarmerii (f. 245, op. 1, jedn. chr. 112, k. 211-217), przechowywanym w Państwowym Archiwum Federacji Rosyjskiej w Moskwie.

Начальник Варшавского Жандармского Округа.
Отделение II.

22 января 1869 года.
№ 177.
Варшава.

Обзор Царства Польского в политическом отношении за 1868 год.

Господину Главному Начальнику III-го Отделения Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА Канцелярии.

Секретно.

¹⁰ Materiał ten częściowo wykorzystał A. Szwarz i J. Kozłowski. Zob. A. Szwarz, *Inteligencja Królestwa Polskiego w oczach władz carskich (na podstawie raportów żandarmerii z lat osiemdziesiątych XIX w.)*, [w:] *Inteligencja polska XIX i XX wieku. Studia 4*, pod red. R. Czernulisa-Rastenis, Warszawa 1985, s. 217-233; J. Kozłowski, *Wyżsi urzędnicy gubernialni i powiatowi w Królestwie Polskim w latach 1867-1875*, PH t. LXXXVII, 1996, z. 4, s. 819-841.

Zakończającymi słowami przedstawionego мною Вашему Сиятельству в конце 1867 года политического обзора Царства Польского, между прочем, было заявлено, что наружный порядок, спокойствие и уважение к закону в Царстве видимо устанавливаются. Тоже самое я могу повторить и ныне, приступая к обозрению политической жизни здешнего края за минувший год: так как действительно наружный порядок прогрессивно крепнет, новые распоряжения, новые учреждения правительства принимаются жителями беспрекословно; закон не встречает себе противодействия и энергические меры, клонящиеся к объединению с Империей здешнего края, видимо достигают желаемого результата.

Таким является здешний край в общем ходе государственной жизни России за 1868 год; край этот ничем не нарушил общего спокойствия в Империи, и все пружины государственного механизма в нем действовали, как и в прочих областях Империи, безостановочно.

К сожалению однако же под этим наружным спокойствием далеко еще не улеглись политические страсти, и вспышки их отметили 1868 год такими явлениями, которые хотя и не отразились существенным вредом для, но тем не менее доказали осязательно, как далеки еще симпатии польской нации от русского правительства и его здесь начинаний. Сравнивая истекший 1868 год с предшествовавшим ему 1867, перевес по количеству и важности революционных проявлений остается на стороне 1868 года, особенно в первой половине его.

Образование в Варшаве тайного революционного общества¹¹, публичное проявление неуважения к народному торжеству, происходившему в Варшавском театре¹², по случаю рождения у Государя Наследника сына, убийство дворянином Кoryцким и учеником гимназии Варылкевичем, по политическим побуждениям, Варшавского домовладельца Долинского¹³,

¹¹ *Trudno jest stwierdzić o jakiej tajnej organizacji rewolucyjnej wykrytej w Warszawie wspomina raport, choć pośrednio wiadomo, że organizacja ta była powodem wszczęcia przez żandarmerię śledztwa.*

¹² *Brak jest także bliższych informacji o „wydarzeniu” w teatrze warszawskim, mającym związek z narodzinami następcy tronu.*

¹³ *Jan Doliński — murarz, właściciel kamienicy nr 1218 w Alejach Jerozolimskich został 17/29 stycznia 1868 zamordowany przez 20-letniego Artura Koryckiego, szlachcica, oficjalistę z dóbr prywatnych (pisarz ekonomiczny) i 17-letniego ucznia, wydalonego z II gimnazjum w Warszawie Ludomira Warytkiewicza. W przygotowaniach do zabójstwa Dolińskiego brał udział także Ludwik Brzeziński, dymisjonowany porucznik straży przygranicznej, który jak wykazało śledztwo przekonał Koryckiego i Warytkiewicza, że Doliński swoimi denuncjacjami wydał władzom rosyjskim wiele osób zaangażowanych w prace rewolucyjno-konspiracyjne, w okresie powstania styczniowego. Koryckiego zatrzymano we wsi Ruda, powiatu rozwadowskiego, w Galicji, skąd gubernator lubelski pod strażą odstawił go 22 lutego/5 marca do Warszawy. Wszyscy trzej zatrzymani przyznali się do winy i stanęli przed sądem wojennym, który wyrokiem zatwierdzonym przez namiestnika Fiodora Berga skazał Brzezińskiego, po pozbawieniu rang i wszelkich praw stanu, na karę śmierci przez rozstrzelanie. Wyrok został wykonany 10/22 czerwca 1868 „o 7.00 rano w rowie warszawskiej Aleksandrowskiej Cytadeli”. Korycki i Warytkiewicz wyrokiem tegoż sądu skazani zostali na zesłanie do ciężkich robót w kopalniach. Wśród skazanych znalazła się także Anna Dolińska, lat 28, żona Jana Dolińskiego, która za udział w zabójstwie i ukrywanie przestępców skazana została na 18 lat ciężkich robót na*

убийство земского стражника Роета¹⁴, и тому подобные явления сгруппировались в очень непродолжительном периоде времени. Хотя эти явления имели характер частный, ограничиваясь только деятельностью небольших кружков или выходками отдельных личностей, но тем не менее они имели значительное влияние на общее настроение умов польского населения, поддерживая их в постоянно-возбужденном состоянии, чему не мало также содействовали и другие причины кои следует искать во внешних явлениях заграничной жизни и в различных условиях внутреннего общественного и экономического быта Царства.

Заграничная польская эмиграция, при той обстановке, какую она создала себе ныне в Галиции и Познанской провинции, несомненно имеет огромное нравственное влияние на здешних поляков; они усердно и зорко следят за всем, что делается в соседней Галиции. Туда безпрестанно ведут здешние помещики и несмотря на бдительный надзор, постоянно поддерживают тайные и явные сношения с тамошними жителями чрез евреев, рабочих, промышленников, управляющих, официалистов и пограничных жителей, имеющих возможность (по восьмидневным легитимационным билетам) переходить границу. Кроме того Краковская молодежь, под различными благовидными предложениями, как например, для обзора живописных местностей, или осмотра исторических древностей, посещает в летнее время деревни Келецкой губернии (Ойцово и Пескова Скала)¹⁵. Пользуясь этими постоянными сношениями, эмиграция сообщает здешним полякам все сведения о своих действиях за границею и тем поддерживает их незбыточные мечты.

Обращаюсь теперь к рассмотрению действий эмиграции в минувшем году, имевших наибольшее влияние на умы здешнего населения. В начале 1868 года Центральный Польский Комитет в Париже¹⁶, как бы применяясь к Французской политике и к положению дел в Австрии, переносит особое отделение свое под названием „Главный Организационный Комитет” в Вену с тем, чтобы руководить деятельностью других подведомственных ему комитетов в Кракове, Тарнове, Пржемысле, Лемберге и Черновице. Непосредственное назначение сих последних — образование военных декад и устройство правильной революционной организации, через особо назначаемых

Syberii. Oficjalne informacje o tym wydarzeniu akcentowały także motyw miłosny całej sprawy (L. Brzeziński, mieszkający w domu J. Dolińskiego pałał afektem miłosnym do żony właściciela kamienicy). Zob. „Gazeta Policyjna” 1868, nr 15 i 16; „Dziennik Warszawski” 1868, nr 47, 72, 149, 261.

¹⁴ Autorowi nie udało się bliżej wyjaśnić okoliczności związanych z zabójstwem strażnika ziemskiego Rojeta.

¹⁵ Wycieczki krajoznawczo-historyczne młodzieży krakowskiej do pobliskiego Ojcowa i Pieskowej Skały w oczach żandarmerii były ukrytą formą demonstrowania postaw patriotycznych i „ponadkordonowej” jedności Polaków.

¹⁶ *Mowa zapewne o Zjednoczeniu Emigracji Polskiej, na czele którego urzędował Komitet Reprezentacyjny. Po wyborach na początku 1868 r. w Komitecie zasiadali: Walery Wróblewski, Stanisław Jarmond, Jarosław Dąbrowski, Zygmunt Miłkowski, Władysław Pogorzelski i Aleksander Ruszczewski. Zob. J. W. B o r e j s z a, Emigracja polska po powstaniu styczniowym, Warszawa 1966, s. 95.*

агентов и командируемых для обезда секретарей Мерославского¹⁷. Вслед за названными комитетами основываются революционные общества женщин, поставивших себе задачей поддерживать сношения с политическими агитаторами Царства Польского, Волыни, Подолии, Украины и Литвы; затем, в последовательном порядке создаются: национальный Комитет в Лемберге¹⁸, Парижский клуб вооружения¹⁹, тайные демократические общества в Лемберге и Кракове, под названием „польской лиги”²⁰; клуб просвещения в Кракове, клуб польских ремесленников, новый демократический клуб в Лемберге, клуб просвещения в Позене, под названием „Оршель”²¹, красный клуб подмастеров в Лемберге, под названием „Gwiazda” (звезда)²², комитет (в Лемберге) для собрания всех Правительственных распоряжений в Царстве Польском, клонящихся к угнетению польской народности и католической церкви; там же три женских комитета: один для изготовления белья и корпии, и наконец секретная контора в Кракове для вербования в декады молодых людей из Царства Польского.

Весь ряд перечисленных обществ образовался не далее, как в первые 5 месяцев 1868 года. В это же время польская эмиграция употребляла немалые усилия для приведения своих планов в исполнение. По костелам

¹⁷ W roku 1868 działalność emigracyjna Ludwika Mierosławskiego znacznie się uaktywniła. Spowodowane to było głównie rywalizacją między wyłonionym na emigracji Ogniskiem Republikańskim Polskim a oddanym Mierosławskiemu Towarzystwem Demokratycznym Polskim. W styczniu 1868 r. Julian Aleksander Bałaszewicz vel Albert Potocki, agent rosyjski działający wśród polskiej emigracji we Francji, pisał: „Agitacja w środowisku emigracji polskiej wzrasta. Agenci (Władysława) Czartoryskiego i Mierosławskiego jeżdżą z miasta do miasta, zbierają podatki — wszystkie swoje nadzieje wiąże z kwestią wschodnią i ewentualnością wojny pomiędzy Turcją i Rosją. — Wielu emigrantów z sekcji paryskiej i belgijskiej (z polecenia Mierosławskiego) wyjeżdża do Galicji”. W kilka miesięcy później Bałaszewicz donosił natomiast, że „udało się Mierosławskiemu utworzyć we Lwowie Towarzystwo Demokratyczne”. Zob. Albert Potocki (Julian Aleksander Bałaszewicz), Raporty szpiega, wyd. R. Gerber, t. II, Warszawa 1973, s. 140 i n.

¹⁸ Mowa zapewne o założonym 24 maja 1868 we Lwowie z inicjatywy Franciszka Smolki Towarzystwo Narodowo-Demokratycznym, które sprzeciwiając się hasłom lojalizmu głosiło potrzebę odbudowy państwa polskiego, utrzymywaniu kontaktu z innymi dzielnicami, walki z „moskiewskim panslawizmem”. Towarzystwo Narodowo-Demokratyczne w swoim programie głosiło zasadę równości politycznej wszystkich obywateli i walkę o niezawisłość narodową. Oprócz Smolki, który został prezesem, w zarządzie Towarzystwa działali Karol Widman, Tadeusz Romanowicz, Juliusz Popiel oraz redaktor „Dziennika Lwowskiego” Karol Groman. Zob. „Niepodległość” 1868, nr 67, 69; „Głos Wolny” 1868, nr 177; „Dziennik Warszawski” 1868, nr 91.

¹⁹ Mowa zapewne o powołanym na emigracji w 1868 r. komitecie werbunkowym, mającym na celu utworzenie z polskich ochotników legionu tureckiego, walczącego z ewentualnej wojnie turecko-rosyjskiej. We Francji zgłosiło się około 150 Polaków, w Belgii 20.

²⁰ Zob. przypis 8.

²¹ Autorowi nie udało się nic bliższego ustalić o poznańskiej organizacji „Orzeł”.

²² Mowa o założonym w 1868 r. we Lwowie Stowarzyszeniu Młodzieży Czeladniczej pod nazwą „Gwiazda”. Inicjatorem założenia tej organizacji był m.in. Mieczysław Darowski (1810-1889), uczestnik powstania listopadowego, bliski współpracownik Franciszka Smolki. Obok Darowskiego w stowarzyszeniu „Gwiazda” działali Henryk Janko, Alfred Młocki i in. Celem stowarzyszenia było rozpowszechnianie wśród rzemieślników wiedzy o historii Polski oraz czasopiśm i wydawnictw narodowych. Na podobieństwo lwowskiej „Gwiazdy” powoływano w innych miastach Galicji stowarzyszenia rzemieślnicze „Gwiazda” (Tarnopol, Kraków i in.). Miejsce organizacji „Gwiazda” zajęło z czasem „Ogniwo”, w którym obok spraw narodowych podnoszono także kwestie społeczne.

Галиции раздавались проповеди, почти явно призывавшие к восстанию; освящались знамена военных декад, утверждалась форма их обмундирования, Галицийская молодежь училась обращению с оружием; заготовлялись склады военных припасов, под рукою распускались как бы полученные официальным путем сведения о намерениях Франции и Австрии относительно освобождения Польши и о симпатиях к польской национальности Принца Наполеона²³. В то же время в польской революционной заграничной прессе раздавались упреки и насмешки над равнодушием молодежи в Царстве Польском к делу освобождения отечества, говорилось о безсилии и разложении Гусударственного механизма России, мрачными красками описывалось её настоящее и будущее и предвещался успех подготовленному делу освобождения Царства Польского.

Во время агитации эмигрантов беспокойный элемент населения здешнего края находился в постоянно-возбужденном лихорадочном состоянии. Между помещиками и шляхтою распространялись толки об угрожающей России войне с Францею и Австрею, о скором отделении Польши и т.п. Быстро разнесшиеся вести о формировании в Галиции отрядов для вторжения в Царство Польское встревожили умы пограничного населения, и для успокоения их пришлось усилить войска, расположенные близ границы Царства.

Между внутренними, неблагоприятно отзывающимися на успехе Русского дела, влияниями из общественного и экономического быта Польши, прежде всего обращает на себя внимание крайняя непоследовательность отношения между русскими и поляками, господствующая как в официальной, так и в частной сфере.

Под влиянием разнообразных, не проверенных опытом, впечатлений, не все русские деятели, призванные в здешний край, принялись за отправление своих обязанностей с надлежащим тактом. Напротив, некоторые из них с первого шага приняли систему крайней снисходительности и соглашения с тенденциями притязательного польского элемента, тогда как другие, и большая часть их отнеслись и относятся до сего времени к польской территории, как к военной добыче, а к полякам, как к своим военнопленным, и, не заботясь о последствиях, переносят требовательность свою из официальной сферы даже в частную. Поляки со своей стороны, в большинстве случаев сознавая силу русских людей, молча, уступают им дорогу и терпеливо с застенною отдаются мечтам о будущем отделении Польши.

Подобная непоследовательность в приемах деятельности русских людей дает повод полякам делать самые уродливые догадки и заключения на счет русского правительства. Так, сравнивая систему управления краем до мятежа с ныне существующею, они укоряют нас же Русских в недостатке энергии при прекращении беспорядков и уверяют, что мятеж был умышленно допущен

²³ *Napoleon Hieronim Bonaparte (Plon-Plon) (1822-1891), książę, brat stryjeczny Napoleona III, żonaty z córką Wiktora Emanuela II, rzecznik bonapartyzmu w kontaktach, jakie utrzymywał z rewolucjonistami różnych krajów, m.in. z Ludwikiem Mierostawskim, powszechnie uznawany za sprzymierzeńca „sprawy polskiej” . Ks. Napoleon opiekował się m.in. Szkołą Polską na Batignolles w Paryżu.*

в видах правительства²⁴, желавшего будто найти скорейший повод к окончательному слиянию Царства Польского с Империю. Подобные суждения не остаются без следа: они заражают население неуважением к правительству; простой класс, встречая в одном месте крайнюю суровость, в другом послабление властей, верит злоумышленным толкам, направленным против авторитета правительства; в доказательство сего указываю на два факта: 1) одна шляхтянка Мазовецкого уезда, публично, на площади предлагала Губернатору²⁵ 100 руб. за освобождение от конскрипции ее сына, и 2) шляхтич кольненского уезда, у которого из четырех сыновей два взяты были в рекруты, в то же время громко кричал: „нет в крае правды и справедливости”.

Значительно обеднев от последнего мятежа, трехлетнего неурожая, пожаров и скотских падежей, польское население с завистью и худо скрываемым ропотом смотрит на сравнительно выгоднейшую в материальном отношении обстановку русских представителей администрации и с грустью вспоминает лучшие минувшие для них годы.

Подстрекаемые заграничною революционною прессою, поляки видят в действиях русских властей не желание блага их отечеству, а личный эгоизм и произвол. К сожалению, заявляемый ими в этом отношении ропот имеет некоторое основание. В некоторых городах местная администрация, оставаясь равнодушною к удобствам жителей, расходует городские суммы на устройство домов для общественных собраний и разбивку садов, в то время, когда необходимейшие городские потребности, как то: пожарная часть, городское освещение, устройство тротуаров, общественных колодцев и т.п., находятся в самом неудовлетворительном положении.

Сделав этот краткий обзор в общих чертах, я приступаю теперь к подробному описанию политического настроения умов жителей Царства Польского по сословиям:

А) *Польское Римско-Католическое духовенство*, по своей духовной связи с народом и по влиянию на него, всегда занимало и ныне занимает в здешнем крае первое место в политическом отношении. Во время мятежа оно явно возбуждало народ к борьбе с правительством; ныне оно покорствуется и со смирением подчиняется всем распоряжениям властей, если только они не противоречат каноническим постановлениям и воле Папы²⁶; а как подобные противоречия неизбежно встречаются и при том в вопросах первостепенной важности, то и оказывается, что принятая ныне этим духовенством система покорности правительству причиняет сему последнему столько же, если не больше, затруднений, как и открытый протест: ибо отказом в своем содействии духовенство ставит правительству в необходимость или отказаться от своих предначертаний, или же прибегнуть к принудительным и карательным

²⁴ Nie znajdujaca potwierdzenia w polskiej historiografii teoria sprowokowania powstania styczniowego przez władze carskie w celu zniesienia autonomii Królestwa Polskiego i wcielenia go do Cesarstwa była sporadycznie podnoszona na łamach kilku wydawnictw emigracyjnych i galicyjskich.

²⁵ Gubernatorem łomżyńskim w tym czasie był Wasilij D. Mienkin.

²⁶ Od 16 czerwca 1846 do 5 lutego 1878 papieżem był Pius IX (hr. Giovanni Maria Mastai-Ferreti).

мерам, и тему увеличить число так называемых мучеников, пострадавших за угнетаемую в Царстве Польском католическую веру. А так как карательные меры против духовных лиц заключаются большею частью только в переселении их из одного места жительства в другое, с сохранением прежней материальной обстановки их, то католическое духовенство видит даже выгоду в принятии подобного венца мученичества. Бывший Плоцкий Епископ Попель²⁷, вывезенный в Новгород за отказ назначить депутата в С. Петербургскую Римско-Католическую Коллегию²⁸, прибыв на место назначения и увидев по приготовленной для него обстановке, как гуманно отнеслось к нему правительство, не мог даже скрыть своей радости, что не поколебался в своем решении. К грустным результатам приводят подобные фальшивые действия и замыслы польского духовенства. В то время, как правительство наше строго держится принципа широкой веротерпимости, в заграничной польской и клерикальной прессе раздаются вопли об угнетении католицизма. В народе постоянно ходят смутные толки, то об обращении всех католиков силою в схизму (православие), то о приказании строить везде, на месте

²⁷ Wincenty Teofil Popiel (1825-1912), arcybiskup metropolita warszawski. W 1847 r. wstąpił do seminarium duchownego w Kielcach, gdzie zaprzyjaźnił się z ks. Ireneuszem Łubieńskim. W 1849 r. wyjechał na studia do Louvain, gdzie na uniwersytecie katolickim uzyskał stopień „bakalarza św. teologii”. W sierpniu 1853 r. powrócił do kraju, gdzie mianowany został sekretarzem konsystorza i profesorem teologii moralnej w seminarium diecezjalnym w Kielcach. W 1862 r. powołany został na stanowisko rektora Akademii Duchownej w Warszawie. W 1863 r. został prekonizowany przez Piusa IX na biskupa płockiego. Rząd Narodowy złożył sprzeciw wobec konsekracji Popiela, jako zwolennika Wielkopolskiego i przeciwnika powstania. Bp kujawsko-kaliski Jan Marszewski uchylił się od udziału w konsekracji, którą dokonano tylko w obecności bpa Henryka Platera (stąd mówiono o Popielu „platerowy biskup”). Mimo politycznej ugody (jako pierwszy zniósł 1 stycznia 1864 w diecezji płockiej żatobę, trwającą w Królestwie od krwawych wydarzeń z 2 lutego 1861) Popiel rychło wszedł w konflikt z rządem na tle spraw religijnych. Po kasacie klasztorów wezwał proboszczów, aby przychodzili z pomocą zakonnikom i używali ich w pracach parafialnych. Kiedy w 1867 r. nie zgodził się na wysłanie delegata swojej diecezji (wówczas był biskupem płockim) do Kolegium Duchownego w Petersburgu, został jako pierwszy z episkopatu Królestwa represjonowany i 28 sierpnia 1869 zesłany do Nowogrodu. Na zesłaniu przebywał siedem lat.

²⁸ Rzymsko-Katolicką Akademię Duchowną w Petersburgu dającą wyższe wykształcenie teologiczne, utworzono w 1842 r. po zlikwidowaniu takiej w Wilnie. Po zerwaniu konkordatu z Rzymem (22 listopada 1866) duchowieństwo mogło się kontaktować ze Stolicą Apostolską jedynie za pośrednictwem ministerstwa spraw wewnętrznych lub ministerstwa spraw zagranicznych. Zgodnie z ukazem z 12/24 lipca 1867 wszelkie stosunki z Rzymem duchowieństwa, jak i osób cywilnych prowadzić można było tylko za pośrednictwem Rzymsko-Katolickiego Kolegium w Petersburgu, zaś wszystkie bulle, encykliki i postanienia papieskie podlegały przed ogłoszeniem w Królestwie Polskim zatwierdzeniu ministerstwa spraw wewnętrznych. Pośrednictwo Kolegium petersburskiego w kontaktach duchowieństwa katolickiego z Rzymem obowiązywało do 9/21 kwietnia 1874, kiedy to przywrócono wcześniej obowiązujący tryb, tj. pośrednictwo ministerstwa spraw wewnętrznych. Rząd rosyjski zmierzając do pełniejszego rozciągnięcia władzy Kolegium duchownego nad duchowieństwem Królestwa Polskiego, zażądał 24 lipca/5 sierpnia 1868, aby z każdej diecezji biskupi wystali do Petersburga swoich delegatów, którzy mieli wchodzić w skład Kolegium, oficjalnie nie uznawanego przez papieża. Każda diecezjalna kapituła miała wybrać spośród siebie co trzy lata kandydata, posiadającego znajomość prawa kanonicznego oraz języka rosyjskiego, który po odelegowaniu do Kolegium otrzymywał rocznie pensję 1000 rb. z umeblowanym mieszkaniem, wodą i opałem. Na podróż do Petersburga przyznawano diety, zaś wybrany członek Kolegium zachowywał uprzednie miejsca w kapitule, probostwo i wszystkie inne pensje.

костелов, православные церкви. „Православные и лютеране штыками и саблею заставят нас принять православие” обратился было с речью к народу в Варшавском костеле Св. Яна²⁹, во время Богослужения, полупомешанный фанатик Леон Стемпель, кожевенный подмастерь. Через несколько времени, такой же фанатик, сапожник Новачек, в том же костеле, сказал присутствующим: „зачем вы ходите в костел, когда Царь велел закрыть костелы”. То, что у Стемпеля и Новачка вырвалось наружу в форме несомненного факта, в массе простого народа таится, как смутное представление о каких то притязаниях правительства на права католической церкви. Хотя здравый смысл народа и подсказывает ему, что подобные опасения не имеют никаких оснований, но в то же время враги порядка указывают ему на Греко-униатское дело, как на начало религиозных преследований, и тем зароняют сомнение, подковыпающее в народе доверие к правительству. Если бы духовные пастыри народа обращались к нему только с живым словом истины, то подобные лживые сомнения не нарушали бы укрепляющейся связи его с правительством; но такой порядок дел не в интересах католических пастырей, и они безмолствуют.

Крайне загадочны проповеди ксендзов, произносимые ими с того времени, как с усмирением мятежа уста их перестали призывать народ к оружию. Содержание этих проповедей по большей части следующее: „народ терпит бедствия за свои грехи; нужно исправиться и милиться Богу, чтобы он избавил народ от этих грехов”. В этих словах не трудно найти затаенный смысл, что польскому народу, подчинившемуся Русскому иноверческому правительству, посылаются свыше различные бедствия, и потому подчинение это есть грех. Воздерживаясь однако же от заключений, основанных на одних только догадках, нельзя впрочем оставить без внимания, что католическое духовенство если и не вредит ныне открыто своими поучениями русскому правительству, то с другой стороны, вопреки своей обязанности, не сделало ни одного шага в помощь ему.

Уступив силе обстоятельств, ксендзы отказались от политической пропаганды в всю свою энергию перенесли в сферу религиозного фантаизма. Подвиги их на этом поприще особенно рельефно выяснились в истекшем 1868 году. Католички, жены русских солдат, доведенные до отчаяния ксендзами, решались протоколярно показывать против своих духовных отцов, что они отказывают им в исповеди, грозят адом за брак с православными и называют их наложницами. Ксендз-фанатик не пощадил даже пришедшей к нему за словом утешения бедной женщины, которая, со страхом ожидая рождения первого ребёнка от брака с русским унтер-офицером, желала в исповеди найти для себя подкрепление упавшего духа. Вместо того, духовный отец лишил её исповеди и так разстроил, что несчастная слегла в постель. В другом месте (в Островском уезде) ксендз приказывает сторожу кладбища ночью вырыть из могилы тело православного десятилетнего и закопать его там, где хранят обыкновенно некрещенный детей.

²⁹ *Parafia i kościół św. Jana w Warszawie należały także w okresie powojennym do najbardziej aktywnych politycznie i znajdowały się pod szczególnym nadzorem władz policyjnych.*

Католическое духовенство в Царстве Польском в описываемый период времени начало руководиться другими началами в своих действиях и частной жизни. Ксендзы большею частью замкнулись в самих себе, отказались от светских удовольствий и начали обращать особенное внимание на торжественность богослужения и обрядов. Но при этом соблюдая с особенною ревностью все праздники своей церкви, они нередко впадают в ошибки при отправлении богослужения в наши высокоторжественные дни³⁰ и не заботятся тогда о придании торжественности этим богослужениям, вследствие чего, вероятно, при совершаемых ими в эти дни молитвословиях о здравии Государя Императора и всего Царствующего Дома, присутствуют только лишь официальные лица.

Были замечены и светлые явления в жизни католического духовенства в 1868 году, но явления эти так редки, что они не изменяют высказанного выше взгляда на общее направление этого сословия. Пять, шесть личностей открыто и сознательно заявили себе на стороне русского правительства, сказав несколько проповедей, проникнутых истинным чувством преданности к императорскому престолу.

Результаты правительственных распоряжений в Царстве Польском, коснувшихся католического духовенства, как например: назначение ему жалования от правительства³¹, выразились тем, что некоторые из ксендзов, почувствовав свою зависимость в материальном отношении от русского правительства, приняли ныне систему искомательства у светских властей, обнаруживая перед ними злоупотребления и незаконные действия своих духовных собратьев. Разумеется, подобная перемена в направлении известной части польского католического духовенства объясняется скорее корыстолюбивыми побуждениями ксендзов, добывающихся денежных наград, которые назначаются ежегодно достойнейшим из них, чем сознательным исполнением своего долга. Однако подобные, хотя и фальшивые вначале, отношения ксендзов отчасти ослабляют силу постоянного и систематического противо-

³⁰ *Duchowieństwo katolickie, zgodnie z poleceniami władz rosyjskich, zobowiązane było do ogłaszania wiernym z ambon o zbliżających się galowych uroczystościach, tj. urodzinach i imieninach cesarza, cesarzowej i następcy tronu, rocznicach wstąpienia na tron i koronacji cesarza itp. Przy zapowiedziach tych świąt nakazywano księżom, by zachęcali wszystkich do modlitwy za dom panujący i pouczali parafian o świętych wiernopoddańczych obowiązkach. Ponadto nakazywano, aby oprócz wszystkich świąt galowych duchowni odprawiali w święta po sumie nabożeństwa w języku miejscowej ludności, a nie po łacinie. Żądano też, aby do suplikacji śpiewano rano w dni świąteczne „o odwrócenie powietrza, głodu, ognia i wojny” dodawano ogólną modlitwę o zachowanie cesarza, domu panującego i całego narodu od wszelkich złych przygód. Nadzór nad wykonaniem powyższych zaleceń miały sprawować władze cywilne.*

³¹ *Ukazem z dnia 14/16 grudnia 1865 o urządzeniu rzymsko-katolickiego duchowieństwa świeckiego w Królestwie Polskim naznaczono duchowieństwu parafialnemu pensje (dla proboszczów do 65 roku życia wynosiła ona miesięcznie 25 rbs., po 65 roku życia proboszcz otrzymywał dodatkowo 100 rbs. rocznie; dla wikariuszy 12,50 rbs. miesięcznie), z zaznaczeniem zaprzestania ściągania od wiernych dziesięciny. Analogiczny akt dla duchowieństwa greko-katolickiego wydano 18/30 czerwca 1866. Na mocy postanowienia z 28 stycznia/9 lutego 1867 nakazano wykreślenie z wykazów ksiąg hipotecznych dziesięcin uiszczanych na korzyść duchowieństwa zakonnego i świeckiego.*

действия их русскому делу и впоследствии, вызвав борьбу различных партий, поневоле заставят лучших людей вдумываться и искать исхода из неестественных ныне отношений римско-католической церкви к народу и правительству.

Представители католического духовенства в Царстве Польском понимают, что теперь наступила решительная минута борьбы с русским правительством, и потому они прибегают ко всем средствам, чтобы помешать скорейшему осуществлению планов его относительно составления в С.-Петербурге духовной римско-католической коллегии. Прежде чем исполнить распоряжение о назначении в эту комиссию депутатов, епископы вошли между собою в конфиденциальные сношения и, решив, что исполнением требования светских властей, не освященного благословением Папы, они только унижают себе, придали этой мере характер религиозного насилия. Кроме того, в обществе составилось убеждение, что Папа, если не предал уже теперь, то предаст несомненно впоследствии проклятию как председателя коллегии, так и членов его. С такими впечатлениями и напутствиями депутаты, назначенные от здешнего духовенства, отправились в С.-Петербург.

Греко-униатское духовенство, с назначением епископа Михаила Куземского³², твердо взявшего в свои руки бразды правления вверенною ему епархию, освободилось от влияния польско-католического мира, и потому деятельность его в настоящее время не преступает границы чисто религиозной сферы. К сожалению, в среде его, в последнее время, начинают обнаруживаться интриги местных униатских священников против переведенных из Галиции. Намерения в этом отношении епископа Куземского, точно также как и направление его деятельности, не успели еще вполне выясниться.

Деятельность православного духовенства в Царстве Польском, по прежнему, не представляет собою мощной противодействующей католическому фанатизму силы. Местное духовенство хотя и имеет нескольких образцовых представителей, по, по малочисленности, влияние их на народ незначительно. Полковые же священники, к сожалению, нередко ведут жизнь, несоответ-

³² *Michał Kuziemski (1809-1879). Od 1833 r. paroch w Zatożcach (Galicja), następnie kanclerz konsystorza we Lwowie (1837). Mianowany przez cesarza Ferdynanda głównym inspektorem szkół ludowych we wschodniej Galicji stał się inicjatorem zakładania nowych szkół (powstało ich blisko 1000), wspierał działania Rady Ruskiej przy budowie Domu Ludowego we Lwowie oraz Ruską Macierz (1846). Gdy w 1859 r. minister Thun i namiestnik Galicji Gołuchowski usiłowali wprowadzić alfabet łaciński u Rusinów, Kuziemski łącznie z uczonymi ruskimi (ukraińskimi) sprzeciwił się temu zamiarowi. Za obronę cyrylicy odznaczony został przez cara Aleksandra II orderem św. Anny II klasy z koroną. Władze carskie widziały w Kuziemskim obrońcę wpływów rosyjskich w Galicji. Kiedy po wywiezieniu biskupa Jana Kalińskiego (1866 r.) zawakowało greko-katolickie biskupstwo w Chełmie, Kuziemski po złożeniu propozycji przez władze rosyjskie objął w administrowanie biskupstwo chełmskie (22 czerwca 1868), zabiegając zgodnie z życzeniem strony rosyjskiej o usunięcie z Kościoła unickiego niektórych zwyczajów łacińskich. Pod naciskiem władz rosyjskich wydał 25 października 1868 okólnik do duchowieństwa, w którym przypominając wszystkie okólniki ks. Józefa Wójcickiego (jako pierwszy zaczął wprowadzać zmiany w obrządku unickim), nakazał duchownym unickim używanie wyłącznie języka ruskiego w naukach parafialnych, pieśniach religijnych i różańcu. Kolejne rozporządzenia ograniczające wpływy katolickie i polskie w Kościele unickim przygotowywały grunt do zjednoczenia tego Kościoła z prawosławiem.*

ствующую их сану. В интересах Русского дела, было бы желательно, чтобы Русские священники, для борьбы с католическими, избрали другое орудие, чем то, которое употребляют ксендзы, а именно: желательно, чтобы они распространяли более просвещенный взгляд на христианскую религию и не придавали бы другим исповеданиям значения ереси и безверия, как это делают ксендзы. Относясь более гуманно и более беспристрастно к католической и другим церквям, они облегчили бы тем совесть католиков, желающих принять православие. Ибо последних большею частию от приведения в исполнение их намерения останавливает именно то обстоятельство, что обе церкви совершенно отрицают одна другую в смысле христианской религии.

Б) *Здесьняя польская аристократия*, гордясь историческим значением своих предков, не может свыкнуться с своим настоящим положением, не дающим никакой пищи ее честолюбию. Поэтому, представители ее с лихорадочным чувством следят за состоянием политического горизонта на Западе Европы. Много надежд породил в них 1868 год, обещавший им новое движение в Царстве Польском при помощи Галиции, питавшей надежду на приезд туда Принца Наполеона³³, изменшего сказать полякам от имени Франции последнее слово о восстановлении самобытной Польши, и о симпатии к польскому делу Австрийского Императора. Наученная однако-же опытом, польская аристократия не решалась гласно заявлять себя на стороне движения, и потому упомянутый выше случай в Варшавском театре, выразивший неожиданно чувства находившихся там некоторых аристократических фамилий, вовсе несоответствовал расчетам этого сословия избравшего для себя, в последнее время, систему выжидания и осторожности. По мере того, как разбивались надежды аристократии, питаемые ожидаемыми поездками в Галицию Принца Наполеона и Австрийского Императора³⁴, изменялись и её планы и расчеты. До того, замкнувшись в свой тесный, недоступный для глаза наблюдателя, кружок, ныне члены аристократических польских фамилий видимо стараются проникнуть в высшую официальную сферу, как бы желая тем заявить свою готовность вступить в солидарные отношения с русским элементом в Царстве Польском. Конечно нельзя допустить искренности подобного крутого поворота в симпатиях здесьней аристократии, и причины

³³ *W czerwcu 1868 r. nowe spekulacje polityczne wśród polskiej emigracji i polityków galicyjskich wywołała podróż księcia Napoleona do Wiednia, Pesztu i Konstantynopola, powszechnie uważana za kolejny etap tworzenia koalicji antyrosyjskiej. W pierwotnych planach podróży przewidywano także przyjazd księcia Napoleona do Krakowa i Lwowa, z czego ostatecznie zrezygnowano obawiając się manifestacji politycznych, jakie zorganizowałyby Polacy. W czasie podróży z księciem z ramienia Hotelu Lambert prowadzili rozmowy Konstanty Czartoryski i Karol Rogawski.*

³⁴ *Inicjatorem przyjazdu cesarza Franciszka Józefa do Galicji był namiestnik Galicji Agenor Gołuchowski, który chciał nadać tej wizycie wymiar politycznego zbratania narodu polskiego z dynastią Habsburgów i potwierdzenia przez Polaków zasad wysuniętych w adresie z 10 grudnia 1866. Oczekiwano, że przyjazd cesarza będzie okazją podjęcia sprawy polskiej, poparcia starań o stworzenie w Galicji ośrodka polskiego ruchu politycznego, oraz przeciwstawienia się Rosji. W końcu września 1868 r. m.in. na skutek interwencji Petersburga odwołano podróż. Decyzja ta załamała plany polityczne Hotelu Lambert i wywołała przesilenie w Galicji. Nastąpiła dymisja Gołuchowskiego ze stanowiska namiestnika.*

видимого стремления ее к сближению с высшим кругом следует объяснять другими видами, которые еще выяснить, по причине крайней сдержанности их в разсуждении политических вопросов. Несомненно то, что польская аристократия, начиная создавать себе положение в русской правительственной сфере, а то же время не разрывает окончательно своих связей и с эмиграцией. В составляемых последнюю списках лицам назначаемым для революционных действий в различных, так называемых, польских провинциях и департаментах, входящих в состав России, на первом плане постоянно фигурируют польския аристократическия фамилии. Нельзя допустить, чтобы эмиграция распоряжалась членами этих фамилий всегда без их ведома или согласия: ибо в таком случае действия её не имели бы никакого смысла и, хотя в редких случаях, но все таки могли бы вызвать со стороны сих лиц протест, чего однако же никогда замечать не было.

В) *Помещики*, занимающиеся непосредственно своим хозяйством высказываются более откровенно. Наблюдение за политическим настроением их в 1868 году дало столько же разнообразные результаты, сколько разнообразные элементы их натуры. Сегодня выражение преданности к Императорскому Престолу и сочувствия к русской народности, завтра пение революционных гимнов и почти явный ропот на преобразование правительства. Находясь по своим делам в постоянных сношениях с местною администрацией они, в противоположность системе ксендзов и высшей аристократии, иногда с крайним легкомыслием обнаруживают свои революционные наклонности. Как разительный тому пример, можно привести поступок помещика Гемпеля, который на детском вечере, в присутствии официальных лиц, пропел, под акомпанемент фортепьяно, стихотворение революционного содержания. Колебания Австрийской политики в 1868 году относительно Галиции, а также неудавшаяся попытка польской эмиграции лишили их всякой точки опоры в лабиринте политических теорий и соображений. В то время, как симпатии их были на стороне Австрии, они предрешали Славянский вопрос³⁵ слиянием всех Западных славян в одну федерацию, под скипетром Австрийского Императора. Переменялись политические обстоятельства, и некоторые из них начали отзываться в пользу решения этого вопроса уже слитием славян под главенством России. Разнесшийся здесь слух о предположении быдто бы С. Петербургского Кабинета уступить Западную часть польских провинций по Вислу Пруссии, в обмене на Северовосточные ее владения³⁶, вызвал в здешнем обществе недовольство этою мерою и —

³⁵ *Po zjeździe panslawistycznym w Moskwie w 1867 r. Hotel Lambert rozpoczął szeroką kampanię przeciw propagandzie panslawistycznej. W wydanej w trzech językach (polskim, francuskim i czeskim) broszurze Juliana Klaczki Kongres moskiewski i panslawistyczna propaganda (Kraków 1867), starano się roztaczać wizję, że Austria wspomagana przez Europę, tj. Francję, zmierzy się z Rosją odbuduje państwo polskie, a wówczas nastąpi pod egidą Austrii „połączenie trzech koron Węgier, Czech i Polski”. Próbowano także dla tych idei pozyskać biskupa chorwackiego Josipa Juraja Strossmayera, cieszącego się znacznym autorytetem wśród Słowian austriackich. Zob. Historia dyplomacji polskiej t. III, 1795-1918, pod red. L. B a z y l o w a, Warszawa 1982, s. 690-692.*

³⁶ *Projekt oddania zachodniej części Królestwa Polskiego (po rzekę Wisłę) Prusom, w zamian za przekazanie Rosji ziem północno-wschodnich Prus, był jedną z wielu hipotetycznych koncepcji, jakie*

вместе с тем — со стороны благоразумнейших людей заявление, что если Польше не суждено быть самобытной, то уже более желательнее подчинение её России, чем какой либо из соседних держав. Подобный взгляд на политику разделяет очень ограниченный кружок людей, и потому он имеет для нас только значение как явление в среде помещиков новое, позволяющее рассчитывать на ослабление в будущем сепаративных их стремлений.

Во всем остальном сословие помещиков относится крайне неприязненно к русскому правительству, в распоряжениях и преобразованиях коего они видят причину упадка своего материального и экономического быта. Нужно еще очень много времени, пока они забудут выгоды прежних своих отношений к крестьянам, исключительного права на звание гминных войтов и тому подобных привилегий. Только новое поколение воспитанное под лучшими условиями, в состоянии будет проникнуться теми человеколюбивыми и безпристрастными началами, которые легли в основание крестьянской реформы в Царстве Польском. До тех же пор правительство всегда будет встречать в здешнем сословии помещиков один только скрытый протест против существующего порядка.

Частная домашняя жизнь помещиков не представляет никаких данных, по которым бы можно было судить о сближении этого сословия с русскою народностью. Все их сношения с Русскими ограничиваются одними визитами и взаимными угощениями.

Г) *Чиновники-поляки*, по своим воззрениям, весьма во многом сходятся с сословием здешних помещиков; тех и других сближает общее недовольство правительственными реформами, непосредственно коснувшимися их материального быта. Справедливость требует заметить, что преобразование правительственных учреждений в Царстве Польском всею тяжестью легло на чиновничьем классе. При сокращении штатов, польские чиновники, оставшиеся без мест, находятся в безвыходном положении. Проведя большую часть жизни на службе, они не имеют уже приложить рук к другим занятиям, а потому обращаются к покровительству помещиков, служат им агентами и ходатаями по делам. В то время, как чиновники, лишившиеся мест, увеличивают собою массу недовольных, оставшиеся на службе употребляют все усилия, чтобы удержаться на своих местах. Методическим и точным исполнением своих обязанностей, приличием в своем поведении, знанием законов

pojawiły się w środowisku polskiej emigracji i na łamach prasy zakordonowej („Czas”), dyskutujących nad rozwiązaniem tzw. sprawy polskiej, czy też sprawy słowiańskiej. Informacje dotyczące tych koncepcji publikowano m.in. w 1866 r. na łamach „Dziennika Warszawskiego” — organu rządowego. Plotki te szczególnie nasiliły się po wizycie ks. Napoleona w Berlinie (marzec 1868 r.) i spotkaniu z premierem Prus Ottonem von Bismarckiem, podczas którego ks. Napoleon jakoby zaproponował Bismarckowi zajęcie lewego brzegu Wisły wraz z Warszawą. Pogłoski te potwierdzał także rosyjski ambasador w Berlinie Paweł Oubril. Wspominał o nich także Józef Ignacy Kraszewski, który w swoich Rachunkach z roku 1868 pisał: „Gdy się spodziewano przybycia cara do Warszawy po dwakroć się szerzyła rozpuszczona wieść na nowo, że część Królestwa Polskiego po Wisłę (z Warszawą) Prusom miała być ustąpioną”. Zob. „Dziennik Warszawski” 1866, nr 31, 32; J. F e l d m a n, Bismarck a Polska, Kraków 1947, s. 248; [J.I. K r a s z e w s k i], Rachunki z roku 1868 przez B. B o l e ś ł a w i t ę, Poznań 1869, s. 228.

и делопроизводства они стараются стать выше русских чиновников. (Это им часто и удается, ибо некоторые из русских отчасти по недостатку хорошего направления, отчасти же по исключительности своего положения, дающего им известные преимущества, пренебрегают своими обязанностями и считают позволительным для себя в общественной и служебной сфере то, за что сами бы осудили чиновника-поляка). Кроме того, здешние чиновники ревностным изучением русского языка и наконец крайнею угодливостию своему высшему начальству снискивают к себе доверие и потому продолжают оказывать очень заметное влияние на дела. Влияние это не может быть благотворно и в интересах русского дела, если принять во внимание, что деятельностью польских чиновников руководит не гражданская доблесть, а только чувство опасения затеряться в общем круговороте преобразований. Поэтому, не заботясь о соблюдении солидарности с русскими интересами, они беспощадным и буквальным приведением в исполнение законов и распоряжений своего начальства и всеми находящимися в их распоряжении крутыми мерами, проводят в обществе понятие о правительстве, как о силе, поставившей себе задачей угнетать польскую народность и стереть ее с лица земли.

Вообще же чиновники, как люди вполне зависящие от службы, более заявляют наружно свою преданность правительству; и если они изменяют себе в этом отношении, то только в тех случаях, где по их расчету, глубоко сокрыты руководящие их действиями тайные пружины. Таким образом, в течение всего 1868 года было замечено только два или три случая, в которых вылилось наружу политическое, не в пользу России, настроение представителей этого сословия.

Все выше сказанное относится лишь к большинству польских чиновников. Между тем в частном быту известного, хотя и незначительного, меньшинства их пачали проглядывать уже задатки сближения с русскою народностью, выражающиеся тем, что в кругу их увеличиваются знакомства с русскими семействами, русский язык получает более права гражданства и наконец, в последнее время, учащаются браки с русскими. При этом следует заметить, что в самых близких семейственных отношениях, возникающих между обеими национальностями, все еще чувствуется некоторая натянутость и разлад, не смотря на делаемые с обеих сторон уступки: так сильна и непобедима еще рознь, созданная кровавыми страницами истории минувшего мятежа.

Д) *Шляхта, ремесленники, официалисты и все вообще разночинцы*, различаясь между собою по занятиям и по образу жизни, в политическом отношении не представляют существенной разницы и — вместе взятые — дают готовую почву для религиозного фанатизма и революционной агитации. Все, что в других привилегированных сословиях носит характер тайных замаскированных действий, то в поименованных классах с неудержимою силою прорывается наружу. Мещанин Лесняк публично наносит оскорбление портретам Высочайших Особ и потом, при производстве следствия, нисколько не скрывает чувств, вызвавших этот поступок, а напротив оправдывает их. Шляхтич Новицкий, в гминном управлении, позволяет себе с ругательством

прицелиться в портрет Государя. Ремесленник конскрипт, в присутствии Комиссии, прямо отказывается присягать „москалям”. Эти и подобные им случаи, имевшие место в 1868 году, достаточно убеждают, как глубоко запали в массе необразованного населения здешнего края семена, насаженные изуверами ксендзами и лже-патриотами помещиками.

Е) *Купцы и вообще торговый и промышленный класс* интересуются политическими делами на столько, на сколько они могут оказывать влияние на их коммерческие обороты. Наложение на некоторых книгопродавцев, в начале года, штрафов за допущение в торговле неразрешенных цензурою издания было единственным политическим явлением, выдавшимся из их быта; за сим, по видному, они вовсе разорвали связь с людьми движения. Их волнуют другие заботы. Торговля и промышленность находятся в ненормальном положении. Цены на труд и предметы потребления непомерно возвышаются и производят в коммерческих предприятиях застой, грозя неизбежным кризисом. Капиталы сосредоточиваются в руках евреев, которые, за исключением немногих, занятых постройкою железных дорог, ничего не предпринимают для оживления промышленности и торговли, и недоверчиво относясь к политическому положению дел в Европе, с крайнею осмотрительностию занимаются лишь биржевыми спекуляциями и оборотами процентных бумаг.

Ж) *Еврейское население Царства Польского*, по прежнему, руководится побуждениями, лишенными всякого политического смысла. Выражая с напышенною торжественностию в синагогах верноподданнические чувства свои к Государю Императору, оно не идет далее, а напротив своею замкнутостию и кастовым складом своей жизни представляет из себя элемент, стоящий между русскою и польскою народностию, чуждый той и другой и не только неспособствующий слиянию их, но скорее препятствующий таковому.

Пронести через границу различные революционные вещи, пустить их в обращение между поляками и тотчас же донести о том Русским властям; вызвать чиновника на отступление от установленных положений, под предлогом упрощения известной официальной процедуры, и потом составить о том, как о вопиющем злоупотреблении, донос; сделать открытие об обращении фальшивых ассигнаций и в то же время заниматься распространением их: это такие явления, которые непрерывно повторялись в течение минувшего года. Из доносов многие евреи составляют для себя спекуляцию. В последнее время доносы их развились в такой степени и достигли по своей лжи такой наглости, что против некоторых из доносчиков пришлось принять карательные меры. Вред подобного направления деятельности евреев очевиден: производятся следствия, расходуются деньги, и хотя клевета не подтверждается, но лица и целые учреждения компромитируются, доверие населения к последним подрывается.

Во все другие сферы общественной и экономической жизни евреи также вносят свои развращающие начала. Нет того низкого в нравственном отношении действия, которому бы не взялся способствовать за деньги фактор еврей. Разумеется, все сказанное выше относится лишь к евреям простолюдинам, не получившим общего европейского образования и воспитавшимся

под уродливыми формами домашней или школьной еврейской мудрости. Поэтому, в видах ограждения общества от вносимого в него еврейским населением вредного разлагающего элемента, было бы желательно, чтобы правительство сняло покров, под которым ныне совершается дома и в школе книжное обучение еврейских мальчиков, и внесло в их образование свои руководящие и контролирующие начала. Точно также было бы вполне своевременно обратить внимание местной администрации на вред, проистекающий от упорного сохранения еврейским населением своих резких особенностей в costume, поддерживающих в нем вековое отчуждение от жизни окружающей среды.

3) *Крестьяне Царства Польского*, за малыми исключениями, не употребляли во зло дарованного им Высочайшею милостию самоуправления. Безграмотность и относительная неспособность в гминном делопроизводстве некоторых войтов гмин, при дурном составе гминных писарей, без сомнения, есть явление печальное, но оно все таки не оправдывает тех опасений за несостоятельность этой реформы, которые в одно время были высказаны в газете „Вест” и вызвали в Русской прессе односторонние суждения и неверные выводы.

Если реформы, вызывающие к новой деятельности более образованные и развитые силы, сопровождаются в начале различными затруднениями и неудобствами, то тем более естественны временные преходящие несовершенства крестьянской реформы. Решения гминных судов по жалобам помещиков на своеволие крестьян действительно иногда бывают пристрастны в пользу последних, но это явления исключительные, и происходящий от оных вред не может идти в сравнение с вредом, проистекавшим от прежних покровительственных отношении помещиков-войтов к крестьянам. В политическом отношении, благотворные результаты нового гминного управления неопределимы именно потому, что крестьянское сословие ныне вполне освободилось от влияния враждебной правительству пропаганды помещиков.

После реформы гминного управления и суда, первостепенную важность для крестьянского населения имеет народное образование.

В польском крестьянине еще очень много дурных страстей, и он еще слишком мало развит для того, чтобы стать в разумные и свободные отношения к своему пробощу ксендзу и уметь отличить в его проповеди чисторелигиозные внушения от политических.

Предохранить нравственную сторону крестьян от всех этих неблагоприятных влияний может только одно, строго очерченное и безошибочно направленное, обучение крестьянских мальчиков в сельских школах. Предоставленная правительством в этом отношении инициатива самим же крестьянам, к сожалению, далеко не приносит желаемых результатов. В течение прошлого 1868 года дело народного образования очень мало продвинулось вперед. Если же что и сделано в этом отношении, то только благодаря усилиям учебных Дирекций или местных властей. Сами же крестьяне, по своей недалекости, очень туго понимают пользу сельских школ и потому предоставленным им правом пеших о распространении в своей среде грамотности скорее затрудняют, чем поощряют развитие этого дела.

И) Ученики гимназий и главной школы.

Образование молодежи в учебных заведениях Варшавского Учебного Округа в интересах Русского дела в течении 1868 года быстро подвинулось вперед. Отцы и родственники молодого поколения, по какому бы то ни было побуждению, но сознают потребность изучения русского языка, которому дано уже надлежащее место в учебных занятиях. За исключением упомянутого выше случая, где ученик гимназии сделался политическим убийцею Долинского, в поведении учащихся не было замечено проявлений вредного политического настроения; по крайней мере в этом отношении нельзя придавать большего значения двум или трем случаям пения несколькими учениками гимназии гимна „*Voże coś Polskę*”. Кроме того же не обнаружили ничем своих разрушительных политических стремлений, но по некоторым данным нельзя сомневаться в существовании между ними этих стремлений. Свойственные вообще молодости разрушительные начала развиваются в стенах Главной школы тем с большею силою, что она считает себя охранительницею надежд польского народа. Смотри на студентов Главной Школы с этой точки зрения, по необходимости приходится мириться с неудовлетворительным их настроением в политическом отношении, и, органичиваясь строгим за ними наблюдением, не раздражать слишком крутыми мерами их юношеского самолюбия, тем более, что, как указывает опыт, иногда они сами сознают неосновательность своих увлечений и, уступая силе обстоятельств, сами же бросают их. Так в начале минувшего года, студенты Главной Школы в некоторых местах Варшавы начали устраивать тайные собрания³⁷. По наблюдению, оказалось, что на этих собраниях они совещались о составлении капитала для вспомоществования лицам, пострадавшим за свои политические убеждения. Затем, когда слово пришлось обратиться в дело, то они сами отказались от своего предприятия, и совещания их прекратились бездельно.

Нравственная сторона войск Варшавского Военного Округа весьма удовлетворительна; в них то же чувство преданности Престолу и отечеству, какими всегда отличались войска нашей Армии. Материальная же часть войск и строевое их образование, в отношении готовности к бою, стоят несравненно ниже. Последние льготы для нижних чинов произвели благоприятное впечатление не только на войска, но и на жителей здешнего края, дающих от себя известный контингент в Императорские войска. Доказательством сего служит благополучно кончившийся последний набор. Рекрутские партии отправлялись с мест набора в отличном состоянии относительно настроения духа, и родственники новобранцев благословляя их в дальнюю дорогу, не повторяли уже прежних тяжелых сцен отчаяния. Усилия некоторых Губернских воинских начальников возможно благоприятнее обставить первый шаг конскриптов на службе увенчались полным успехом. С бодрим и веселым духом новобранцы заглядывали в свою будущую службу; судя по первоначальной

³⁷ *Zdaniem Stefana Kieniewicza po 1864 r. w Szkole Głównej nie istniała żadna organizacja tajna wśród młodzieży, „choć żandarmeria wietrzyła jej istnienie”*. Zob. Dzieje Uniwersytetu Warszawskiego 1807-1915, pod red. S. K i e n i e w i c z a, Warszawa 1981, s. 360; S. B o r o w s k i, Szkoła Główna Warszawska 1862-1869, Wydział Prawa i Administracji, Warszawa 1937, s. 225-228.

их обстановке, не опасались за будущую их службу и оставляемые ими семейства.

Отношения войск к жителям не напряжены, но и не близки. Знакомства офицеров, квартирующих в городах, ограничиваются только домами чиновников русских и - очень редко поляков. Большинство же офицеров проводит время в своих кружках. При чем нравственная сторона их быта несколько улучшается. В молодых офицерах стала проявляться склонность к умственному труду, чему не мало способствует организация юнкерских училищ и реформа военного судопроизводства, дающая толчек умственным силам. Новая разумная дисциплина с большим успехом прививается к солдатам последних наборов; поэтому и нравственность их лучше, чем нравственность старослужащих. Русский солдат, свыкающийся скоро со всякою обстановкою, уже забыл свои кровавые расчеты с поляками и относится к ним по прежнему откровенно. Последние хотя и смотрят свысока на „москалей”, но не могут не отдать должного их наивному простодушию и безхитрости в обращении; поэтому, за малыми исключениями, нижние чины скорее успевают в сближении с низшими слоями польской народности; чему не мало способствует склонность русского солдата говорить, как бы то ни было, на языке той нации, среди которой он живет; а это обстоятельство, при усилиях администрации стеснить пределы господства польского языка, льстит самолюбию поляков и располагает их в пользу русских солдат.

Заканчивая на сем доклад свой о настроении умов Царства Польского за минувший год, я считаю своим долгом, в заключение, высказать по настоящему предмету откровенно свое убеждение, сложившееся под условиями независимых и безпристрастных отношений моих к различным, действующим в здешнем крае, учреждениям.

Начальственные лица и учреждения в Царстве с полным успехом и энергиею исполняют Высочайшие предначертания, ведущие край к прочному умиротворению, и законный порядок в нем вполне восстановлен. Но внутренний мир польской нации еще полон брожения; и здесь господствует хаос разнообразных страстей. Нужно вызвать к жизни нравственные силы поляков, а этого возможно достигнуть только тогда, когда русские деятели, призванные для проведения в жизнь народа новых начал, отрекшись навсегда от всякого произвола и ненависти, будут действовать лишь в пределах строгой законности. Только этим путем мы можем развить в поляках сознание, что мы не враги их и что восстановленный нами в крае порядок на новых началах, дав новую жизнь народу, принесет ему благо и прочную государственную жизнь.

П о д п и с а л:

Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Генерал-Маиор барон Ф р е д е р и к ³⁸

³⁸ *Płaton Aleksandrowicz baron Fredericks (1828-1888), w latach 1864-1866 oberpolicmajster warszawski i generał-policmajster Królestwa Polskiego, od 1867 r. Naczelnik Warszawskiego Okręgu Żandarmerii, którym pozostawał do roku 1873. W latach 1873-1879 dowódca wojsk Syberii Wschodniej i generał-gubernator tego kraju.*

Jan Kozłowski — Gendarmerie in the Polish Kingdom in 1867-1880

Gendarmerie functioned as political secret police and was one of the pillars of the Russian rule in Poland. Using materials from the State Archives of the Russian Federation in Moscow, the author presents the organizational structure and activity of the Gendarmerie of the Warsaw District, transformed and strengthened after the January Uprising of 1863. The focus is on the analysis of reports made by chiefs of gendarmerie, who spied on Poles and controlled the civilian administration causing occasional conflicts with it.

Joanna Modrzejewska-Leśniewska — Emir the Reformer: Modernizing Policies of Amanullah, the Ruler of Afghanistan

The author presents systemic, economic and social reforms in Afghanistan initiated by Emir Amanullah during his reign in 1919-1929. Contrary to some historiographic claims to date, she stresses a comprehensive nature of the reforms, their successful implementation and attempts at adapting European patterns to the local traditions and customs. The sources of the article are reports of British diplomats mainly from the Public Record Office and the British Museum in London.

MATERIALS

Stanisław Wiech — The Report of the Warsaw Gendarmerie Chief about the Political Situation in the Kingdom of Poland 1868

The author presents the so-called political review, sent each year by the Police Chief in the Kingdom of Poland to St. Petersburg. The report contains informations concerning the political opinions of the Polish population, their attitudes towards the Russians etc. It covers various social strata: the nobles, the peasantry, town dwellers, the clerks, and the other social and professional groups. The editor's introduction brings useful informations concerning the Gendarmerie in the Kingdom of Poland and the archival material related to it.

Marek P. Deszczyński — Generals, money and factories. The Documents on the economic-military history of Poland

The author presents the protocol of the conference organized by the 2nd Vice-Minister of the Military Affairs and the Chef of the Army Administration, General Aleksander Litwinowicz, on 27th March 1937. The conference was devoted to the development of the Polish defense industry. The document is a testimony of the militarisation of the Polish economy. The author's conclusion is that Poland would be better prepared for the war, if proper political-economic decisions were made in 1937.